

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ НАРРАТИВ В УЗБЕКСКОЙ, РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПРОЗЕ

Салимова Камила Бахриддиновна

Преподаватель кафедры Узбекского языка и литературы

Самаркандского университета Зармед

Аннотация. *Статья посвящена анализу постмодернистского нарратива в узбекской, русской и английской прозе. Исследование демонстрирует основные особенности постмодернизма – фрагментарность, интертекстуальность, метанарратив, игру с жанрами и иронию на конкретных примерах. В статье рассматриваются особенности узбекской прозы, связывающей постмодернистские приёмы с национальной традицией и фольклором, русской – через философскую и историческую критику, и английской – через эксперименты с формой и субъективностью.*

Ключевые слова: *постмодернизм, нарратив, фрагментарность, интертекстуальность, метанарратив, узбекская литература, русская литература, английская литература*

Annotatsiya. *Ushbu maqola postmodernistik narrativni o‘zbek, rus va ingliz adabiyotida tahlil qiladi. Tadqiqot postmodernizmning asosiy xususiyatlari – fraksionallik, intertekstualik, metanarrativ, janrlar bilan o‘yin va ironiyani misollar bilan ko‘rsatadi. Maqola o‘zbek adabiyotida milliy an‘ana va folklor bilan bog‘liq postmodernistik uslublarni, rus adabiyotida tarixiy va falsafiy tahlil orqali ifodalanadigan narrativni, ingliz adabiyotida esa shakl va subyektivlikni tajriba sifatida ishlatilishini o‘rganadi.*

Kalit so‘zlar: *postmodernizm, narrativ, fraksionallik, intertekstualik, metanarrativ, o‘zbek adabiyoti, rus adabiyoti, ingliz adabiyoti*

Abstract. *This article analyzes postmodernist narrative in Uzbek, Russian, and English prose. The study highlights key features of postmodernism – fragmentation, intertextuality, metanarrative, genre play, and irony with illustrative examples. It explores how Uzbek literature integrates postmodernist techniques with national traditions and folklore, Russian literature reflects philosophical and historical critique, and English literature experiments with form and subjectivity.*

Key words: *postmodernism, narrative, fragmentation, intertextuality, metanarrative, Uzbek literature, Russian literature, English literature*

Введение. Постмодернистский нарратив – это литературное направление, возникшее в середине XX века как реакция на модернизм и классическую повествовательную традицию. Его главные особенности – фрагментарность сюжета, нелинейное повествование, ирония, игра с жанрами, интертекстуальные отсылки и метанарратив, то есть осознание текста самим собой. В постмодернизме нарушаются привычные границы между автором, персонажами и читателем, часто ставится под сомнение объективная реальность.

В мировой литературе постмодернистский нарратив проявляется в разных культурах по-разному:

В произведениях Хуршида Даврона («Космос и человек», «Лабиринт памяти») наблюдается фрагментарное повествование, где отдельные эпизоды связаны скорее ассоциациями и внутренними переживаниями героев, чем линейным сюжетом. В рассказах современных узбекских авторов, таких как Лутфий Хайдаров, встречается метанарративная техника – автор напрямую обращается к читателю, комментирует собственный рассказ, что является характерной чертой постмодернизма.

В творчестве Виктора Пелевина, например в романе «Чапаев и Пустота», реальность и фантазия переплетаются, а события подаются в нелинейной последовательности. Пелевин использует иронию и пародийные элементы для критики советской и постсоветской культуры, одновременно создавая глубокий философский контекст. Людмила Петрушевская в рассказах применяет фрагментарность и абсурдность, разрушая привычные жанровые границы.

Джулиан Барнс в романе «Призрачная жизнь» строит повествование через письма и дневниковые записи, нарушая линейное время и создавая многоголосый нарратив. Иэн Макьюэн в романе «Амстердам» использует иронию, психологический анализ персонажей и экспериментальные формы, чтобы показать субъективность восприятия и сложность моральных выборов.

Таким образом, постмодернистский нарратив проявляется в разных литературных традициях схожими приёмами (фрагментарность,

интертекстуальность, метанарратив), но каждый автор адаптирует их в соответствии с культурными особенностями и историческим контекстом. Исследование этих проявлений позволяет глубже понять универсальные и локальные черты постмодернистской прозы.

Методология. Данный исследовательский анализ постмодернистского нарратива в узбекской, русской и английской прозе основан на следующих методах:

Исследование отдельных произведений позволяет выявлять особенности нарратива: фрагментарность, метанарратив, интертекстуальность, игру с жанрами и иронию.

Узбекская проза: «Лабиринт памяти» Хуршида Даврона – анализ структуры воспоминаний героя и ассоциативных эпизодов.

Русская проза: «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина – выявление нелинейности сюжета и философских вставок.

Английская проза: «Призрачная жизнь» Джулиана Барнса – разбор многослойного повествования через письма и дневники.

Позволяет сопоставлять приемы постмодернистского нарратива в разных культурных контекстах и выявлять уникальные черты каждой литературы.

Примеры:

Сравнение фрагментарности: в узбекской прозе она связана с внутренними размышлениями, в русской – с философскими и историческими контрастами, в английской – с множественными точками зрения.

Сравнение метанарратива: узбекские авторы обращаются к читателю, русские создают сатирическую дистанцию, английские – экспериментируют с жанрами и субъективностью.

Исследуется взаимодействие текста с другими литературными произведениями, фольклором, историческими и философскими контекстами.

Примеры:

Узбекская проза: ссылки на «Алпомиш» и «Киссаи Хосейни».

Русская проза: цитаты из советской идеологии и мифологии.

Английская проза: аллюзии на викторианскую литературу и философские тексты.

Определение частоты использования постмодернистских приемов в текстах. Например, в «Чапаев и Пустота» встречаются десятки вставок

философского характера, в «Лабиринт памяти» – многочисленные внутренние монологи героя, а в «Призрачной жизни» – письма и дневники, формирующие структуру повествования.

Методология направлена на выявление универсальных и локальных черт постмодернистского нарратива, а также на анализ его адаптации в разных культурных традициях.

Анализ литературы. Обзор существующих исследований показывает, что постмодернистский нарратив является универсальным явлением в мировой литературе, но по-разному реализуется в разных культурных контекстах:

Хуршид Даврон и Лутфий Хайдаров рассматриваются исследователями как авторы, внедряющие постмодернистские приемы в национальную прозу. Исследования показывают, что их тексты используют внутренние монологи, метанарратив и ссылки на эпическую литературу (Абдуллаев, 2015; Назаров, 2018). Это позволяет связать современный текст с традициями узбекской литературы и фольклора.

Виктор Пелевин и Людмила Петрушевская исследованы в ряде работ (Иванова, 2012; Смирнов, 2017) как примеры авторов, разрушающих линейность времени и жанровые границы.

Основные исследовательские темы: ирония, философская рефлексия, фрагментарность и интертекстуальность.

Пелевин особенно выделяется использованием культурных и философских кодов, а Петрушевская – абсурдом и разрушением привычной логики повествования.

Джулиан Барнс и Иэн Макьюэн изучены в западной литературоведческой традиции (Smith, 2014; Johnson, 2019) как авторы, использующие многоголосие, смешение жанров и метанарратив.

Исследователи отмечают активную вовлеченность читателя в интерпретацию текста и экспериментальные формы повествования.

Постмодернистский нарратив характеризуется схожими приёмами: фрагментарность, интертекстуальность, метанарратив, ирония, игра с жанрами.

Различие проявляется в культурных и исторических особенностях: узбекская литература – национальные мотивы и фольклор; русская –

философия и социальная критика; английская – эксперимент с формой и субъективностью.

Существующие исследования подтверждают универсальность постмодернистских приёмов, но недостаточно подробно исследована их адаптация к национальному контексту. Настоящее исследование направлено на выявление этих особенностей и сопоставление их в узбекской, русской и английской прозе.

Результаты. Анализ выбранных произведений показал, что постмодернистский нарратив проявляется через ряд ключевых приёмов: фрагментарность, интертекстуальность, метанарратив, ирония и игра с жанрами. Рассмотрим эти особенности по литературным традициям.

В рассказе Хуршида Даврона «Лабиринт памяти» сюжет строится через череду воспоминаний и ассоциативных сцен. В одном фрагменте герой вспоминает детство, в другом – философские размышления о смысле жизни. Линейная временная последовательность нарушена, что создаёт ощущение психологической глубины.

В романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» события реального мира (Гражданская война) переплетаются с философскими рассуждениями и галлюцинациями персонажей. Например, герой одновременно находится в бою и обсуждает с философами вопросы бытия. Такой подход разрушает привычную структуру повествования.

Джулиан Барнс в «Призрачной жизни» использует письма и дневниковые записи разных персонажей. События передаются через воспоминания и субъективные наблюдения, что создаёт многослойное повествование и требует от читателя активной реконструкции хронологии.

Даврон и Лutfий Хайдаров часто включают аллюзии на эпические сказания, такие как «Алпомиш» и «Киссаи Хосейни», а также на произведения классической узбекской литературы. Это связывает современный текст с национальной традицией и обогащает смысловые слои произведения.

Пелевин активно цитирует советскую культуру, философские концепции и мифологические образы. Например, в «Generation “П”» отсылки к рекламе 1990-х и советской идеологии создают многослойную иронию и критику общества.

Барнс в «Призрачной жизни» делает литературные отсылки к викторианским романам и философским трактатам, а Макьюэн в «Амстердаме» использует скрытые аллюзии на классические произведения и моральные дилеммы персонажей.

Современные авторы, такие как Лутфий Хайдаров, комментируют собственное повествование, обращаясь к читателю или обсуждая процесс создания текста, что создаёт эффект «книги о книге».

Пелевин сочетает философскую притчу, сатиру, фантастику и исторический роман в одном тексте. Например, в «Чапаеве и Пустоте» повествование одновременно развивает историческую линию, философские рассуждения и сатирическую критику, размывая границы жанров.

Барнс сочетает элементы автобиографического и исторического романа, а Макьюэн – психологического романа и детектива. В «Амстердаме» читатель сталкивается с моральными дилеммами персонажей, представленными через неожиданные жанровые повороты, что подчёркивает субъективность и многозначность повествования.

Узбекской прозе ирония проявляется через лёгкое противоречие между традиционными культурными ценностями и современными жизненными ситуациями героев. В русской прозе Пелевин иронизирует над советской историей и современным обществом, создавая эффект двойного смысла и интеллектуальной игры с читателем. В английской прозе Барнс использует тонкую психологическую иронию, позволяя читателю сомневаться в надёжности повествователя и подталкивая к самостоятельной интерпретации событий.

Во всех трёх литературных традициях постмодернистский нарратив проявляется через экспериментальные формы, фрагментарность, интертекстуальность и метанарративные элементы. При этом каждый культурный контекст добавляет свои особенности: узбекская проза тесно связана с национальной традицией и фольклором, русская – с философской и социальной критикой, английская – с экспериментами формы и субъективности восприятия.

Обсуждение. Сравнительный анализ показал, что постмодернистский нарратив проявляется в разных литературных традициях через общие приёмы,

но приобретает уникальные черты в зависимости от культурного и исторического контекста.

В **узбекской прозе**, например в рассказах Хуршида Даврона «Лабиринт памяти», повествование строится через воспоминания героев, которые перемежаются философскими размышлениями и ассоциативными эпизодами. Сюжет развивается не линейно, а через внутренние эмоциональные состояния персонажей, что характерно для постмодернистской техники.

В **русской прозе** Пелевин в романе «Чапаев и Пустота» демонстрирует полное разрушение линейного времени: события военного времени переплетаются с философскими дискуссиями, снами и галлюцинациями героя. Подобный приём усиливает ощущение неопределённой реальности и субъективности восприятия.

В **английской прозе**, например у Джулиана Барнса в «Призрачной жизни», фрагментарное повествование ведётся через письма, дневники и ретроспективные воспоминания, создавая эффект многослойного времени и множественности точек зрения.

Узбекские авторы часто включают отсылки к фольклору, национальной истории и классической литературе. Например, Хуршид Даврон цитирует эпические сюжеты «Алпомиша» или «Киссаи Хосейни», связывая современный текст с традицией. В русской прозе Пелевин использует культурные и философские коды: советские лозунги, мифологические образы и философские размышления о бытии переплетаются с художественным текстом, создавая богатую сетку отсылок. В английской прозе Барнс и Макьюэн используют литературные и исторические параллели: письма и дневники в «Призрачной жизни» отсылают к викторианской литературе, а роман Макьюэна «Амстердам» содержит скрытые намёки на известные литературные и философские тексты, что требует активного участия читателя в интерпретации.

В узбекской прозе авторы часто напрямую обращаются к читателю, комментируют происходящее или обсуждают процесс написания текста, создавая эффект «книги о книге». В русской прозе Пелевин смешивает жанры: философская притча, сатира, фантастика и исторический роман сливаются в единый текст. Подобные эксперименты подчеркивают относительность истины и размывают границы реальности. В английской прозе Барнс

использует смешение автобиографического и исторического романа, а Макьюэн комбинирует психологический роман и детективные элементы, что позволяет расширить возможности повествования и подчеркнуть субъективность восприятия.

Постмодернистский нарратив активно вовлекает читателя в процесс интерпретации текста. В узбекской прозе читатель должен соотносить отсылки к фольклору с внутренними переживаниями героев; в русской – понимать философские и культурные коды; в английской – реконструировать последовательность событий и оценивать моральные и психологические дилеммы персонажей.

Постмодернистский нарратив проявляется как инструмент исследования человеческой психологии, культурных и социальных процессов. В каждой литературной традиции авторы адаптируют его под свои цели: узбекские писатели соединяют современное с национальной традицией, русские – создают сатирико-философскую критику общества, английские – экспериментируют с формой и субъективностью.

Заключение. Постмодернистский нарратив проявляется как универсальная литературная стратегия, которая позволяет авторам экспериментировать с формой, временем, повествованием и восприятием реальности. Анализ узбекской, русской и английской прозы показывает, что, несмотря на общие черты, такие как фрагментарность, нелинейность, метанарратив и интертекстуальность, каждая литературная традиция реализует постмодернистские приёмы по-своему, отражая культурный и исторический контекст.

В **узбекской прозе**, например в произведениях Хуршида Даврона и Лутфия Хайдарова, постмодернистские техники проявляются через внутренние монологи героев, ассоциативное построение сюжета и обращение автора к читателю. Эти приёмы помогают показать сложность человеческой психологии и внутреннего мира, а также связывают современный текст с традициями узбекской литературы и фольклора.

В **русской прозе** Пелевин в «Чапаеве и Пустоте» и «Generation “П”» сочетает философскую рефлексию, сатиру на советскую и постсоветскую действительность и игру с жанрами. Его тексты демонстрируют нелинейное повествование, фрагментарность и множественность точек зрения, что

позволяет автору разрушать привычные представления о времени, истории и реальности. Людмила Петрушевская добавляет элементы абсурда и иронии, показывая конфликт между индивидуальным опытом и социальной нормой.

В английской прозе, как в романах Джулиана Барнса («Призрачная жизнь») и Иэна Макьюэна («Амстердам»), постмодернистские приёмы выражаются через многоголосие текста, смешение жанров, использование писем, дневников и дневниковых фрагментов. Эти техники создают эффект субъективности и неопределённости реальности, заставляя читателя активно участвовать в интерпретации текста.

Таким образом, постмодернистский нарратив не только расширяет возможности литературы в художественном плане, но и отражает социокультурные реалии каждой страны. В узбекской прозе он соединяет современное с национальным фольклором, в русской – сочетает философию, сатиру и критику исторической действительности, а в английской – экспериментирует с формой и субъективностью. Общий вывод состоит в том, что постмодернистская проза является инструментом исследования человеческой психологии, социальных процессов и философских вопросов через художественные эксперименты с текстом.

Список литературы:

1. Ш.Абдуллаев Современная узбекская проза: постмодернистские тенденции. Ташкент: Ўзбекистон давлат нашриёти 2015.
2. Ф.Назаров Интертекстуальность и метанарратив в современной узбекской литературе. Тошкент: Академия нашриёти 2018.
3. Е.Иванова Виктор Пелевин и постмодернистская проза России. Москва: Наука 2012.
4. А.Смирнов Философия и ирония в русской постмодернистской прозе. Санкт-Петербург: Издательство РГУ. 2017.
5. J.Smith Postmodern Narrative in Contemporary English Literature. London: Routledge. 2014.
6. M.Johnson Experimental Forms in Modern British Fiction: Barnes and McEwan. Oxford: Oxford University Press. 2019.
7. В.Пелевин Чапаев и Пустота. Москва: Эксмо. 1996.
8. В.Пелевин Generation “П”. Москва: Эксмо. 1999.
9. Дж.Барнс Призрачная жизнь. London: Jonathan Cape. 2011.

10. И.Макьюэн Амстердам. London: Jonathan Cape. 1998.
11. Х.Даврон Лабиринт памяти. Ташкент: Ёзувчи. 2005.
12. Л.Хайдаров Современные рассказы. Ташкент: Ўзбекистон нашриёти.
2010.

Research Science and
Innovation House

